

розвантажити суддів та пришвидшити розгляд справ у місцевих та апеляційних судах.

Список використаних джерел:

1. Цивільний процесуальний кодекс України. ВВР. 2004 р. № 40-41, 42. Ст. 492.
2. Бохан В. Ф. Формирование убеждений суда, 1973. С. 37–38.

Скобелев Владимир Петрович

*Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского процесса и трудового права
юридического факультета Белорусского государственного университета*

**НОВЫЕ СТАНДАРТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО СУДЕБНЫМ ДЕЛАМ
ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ОТЦОВСТВА**

Регулирование стандартов доказывания по делам, связанным с установлением отцовства детей, не так давно претерпело в Республике Беларусь изменения. Изначально в ч.2 ст. 53 КоБС говорилось, что «при установлении отцовства суд принимает во внимание совместное проживание и ведение общего хозяйства матерью ребенка и ответчиком до рождения ребенка, совместное воспитание или содержание ими ребенка либо доказательства, с достоверностью подтверждающие признание ответчиком ребенка или происхождение ребенка от ответчика».

После изложения Законом Республики Беларусь от 20 июля.2006 г. №164-3 (далее – Закон №164-3) в новой редакции главы 8 КоБС соответствующая норма была перемещена в ч.4 ст. 57 КоБС и приобрела следующий вид: «При установлении отцовства суд принимает во внимание доказательства, с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от предполагаемого отца, или признание предполагаемым отцом ребенка. Суд может также принять во внимание совместное воспитание или содержание ребенка матерью и предполагаемым отцом ребенка, совместное проживание и ведение общего хозяйства матерью и предполагаемым отцом

ребенка до рождения ребенка». Таким образом, если ранее перечисленные в ч.2 ст. 53 КоБС обстоятельства имели одинаковое значение и любого из них было достаточно для установления отцовства, то теперь приоритет отдан обстоятельствам, названным в первом предложении ч.4 ст. 57 КоБС, а упомянутые во втором предложении ч.4 ст. 57 КоБС факты стали второстепенными.

КоБС не расшифровывает понятие «доказательства, с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от предполагаемого отца». В п.6 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 20 декабря 1991 г. №12 «О практике применения судами Республики Беларусь законодательства при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов на детей» (далее постановление Пленума) разъяснено, что «доказательствами, с достоверностью подтверждающими происхождение ребенка от ответчика, могут быть заключения судебно-медицинской и генно-дактилоскопической экспертиз». Подобная формулировка является весьма неудачной, поскольку слова «могут быть» дают повод считать, что с достоверностью подтверждать происхождение ребенка от ответчика способны и какие-то иные (помимо заключения эксперта) доказательства. Собственно, такого подхода придерживаются и суды. Но по нашему мнению, доказательством, с достоверностью подтверждающим происхождение ребенка от предполагаемого отца, может быть только заключение судебной экспертизы. Ведь достоверность установления родства людей требует исследования их ДНК, а значит, использования специальных знаний и оборудования или, другими словами, требует проведения экспертизы. Поэтому в п.6 постановления Пленума выражение «могут быть» необходимо заменить на «являются».

Не менее проблемным является вопрос, что сейчас подразумевается в первом предложении ч.4 ст. 57 КоБС под «признанием предполагаемым отцом ребенка». Судебная практика продолжает (как и до принятия Закона №164-3) считать, что речь идет о внесудебном признании ответчиком

ребенка, которое в процессе может подтверждаться различными доказательствами (такая позиция отражена и в п.12 постановления Пленума, который (пункт) с 1991 г. не менялся). Однако нам подобный подход в современных условиях представляется ошибочным.

Во-первых, внесудебное признание ответчиком ребенка объективно имеет ничуть не большее доказательственное значение, чем совместное воспитание или содержание ребенка матерью и предполагаемым отцом, совместное проживание и ведение общего хозяйства матерью и предполагаемым отцом до рождения ребенка, вследствие чего возникает неразрешимый вопрос, почему из всех перечисленных обстоятельств именно внесудебное признание ответчика законодатель выдвинул на первый план и поставил в один ряд вместе с заключением эксперта. Во-вторых, любое внесудебное признание подлежит подтверждению с помощью доказательств. Если исходить из того, что законодатель действительно решил придать внесудебному признанию ответчика крайне высокую доказательственную ценность, то тогда доказательства такого признания, очевидно, подпадали бы под формулировку «доказательства, с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от предполагаемого отца» и в первом предложении ч.4 ст. 57 КоБС не было бы отдельно выделено «признание предполагаемым отцом ребенка». В-третьих, по нашему убеждению, если ответчик в судебном заседании категорически отвергает свое отцовство, то на основании доказательств, указывающих на внесудебное признание ответчиком ребенка, отцовство по отношению к последнему установлено быть не может, по делу необходимо назначение экспертизы.

Между тем все станет на свои места, если под указанным в первом предложении ч.4 ст. 57 КоБС признанием мы будем понимать именно судебное признание предполагаемым отцом ребенка, т.е., по сути, признание ответчиком иска. Значение такого признания для установления отцовства очень важно и зиждется на следующей посылке: вряд ли кто-то решится признавать ребенка в качестве своего перед лицом суда, не будучи

совершенно уверен в истинности собственного утверждения и не отдавая себе полного отчета о последствиях такого действия. Данное обстоятельство и позволило законодателю поставить судебное признание предполагаемым отцом ребенка в один ряд с заключением эксперта. Тем самым судебное признание и заключение эксперта являются сейчас самостоятельными и совершенно равнозначными основаниями для установления отцовства – наличие одного из них устраняет необходимость выяснения второго, и наоборот. Не упоминает законодатель в первом предложении ч.4 ст. 57 КоБС и о доказательствах, подтверждающих признание ответчика (как это было в ч.2 ст. 53 КоБС), поскольку подобное признание осуществляется перед лицом суда, т.е. имеет место непосредственное восприятие судом соответствующего факта. С четом изложенного полагаем, что в первом предложении ч.4 ст. 57 КоБС слово «признание» необходимо заменить на «судебное признание».

Что же касается перечисленных во втором предложении ч.4 ст. 57 КоБС обстоятельств, то они, как обеспечивающие гораздо меньшую вероятность выяснения истины при рассмотрении дел об установлении отцовства, имеют в настоящее время вспомогательное значение и могут, на наш взгляд, приниматься судом во внимание только: 1) в качестве дополнительных (к названным в первом предложении ч.4 ст. 57 КоБС) доказательств отцовства или 2) при невозможности или крайней затруднительности выяснения критериев, указанных в первом предложении ч.4 ст. 57 КоБС). При этом, думается, во второе предложение ч.4 ст. 57 КоБС целесообразно включить еще одно обстоятельство, традиционное принимаемое во внимание по делам об установлении отцовства еще с советских времен, – внесудебное признание ответчиком ребенка.

Все сказанное выше позволяет сделать вывод, что Закон №164-З на порядок повысил стандарты доказывания (выяснения истины) по анализируемой категории дел, определив приоритетное значение указанных в первом предложении ч.4 ст. 57 КоБС критериев установления отцовства. Тем самым ч.4 ст. 57 КоБС фактически закрепляет некоторые исключения из

правила ч.3 ст. 241 ГПК о том, что ни одно из доказательств не имеет для суда заранее установленной силы. Существование подобных изъятий из правила о свободной оценке доказательств судом вполне оправданно, поскольку они значительно усиливают гарантии постижения судом истины при решении вопроса о родителях детей. В этой связи сложно полностью согласиться с содержанием п.16 постановления Пленума: «В соответствии со ст. 57 КоБС заключения судебно-медицинской и генно-дактилоскопической экспертиз являются одним из средств доказывания, поэтому они должны быть оценены судом наряду с другими доказательствами по делу в их совокупности». Экспертные заключения (равно как и судебные признания ответчиков) являются не «одним из средств доказывания», а приоритетным способом постижения истины по делам об установлении отцовства. Правда, эта приоритетность должна быть правильно понята: заключение эксперта или признание ответчика не может служить основанием установления отцовства, если однозначно опровергается материалами дела. Например, при наличии бесспорных доказательств того, что в момент зачатия ответчика не было рядом с матерью будущего ребенка (он находился в командировке в другом городе, области, стране и т.п.), заключение эксперта, подтверждающее отцовство ответчика, не может быть положено в основу решения, по делу должна быть проведена повторная экспертиза. Аналогичным образом суд не должен принимать признание иска ответчиком, если экспертное заключение отрицает его отцовство.

Стоянова Тетяна Анатоліївна

*Кандидат юридичних наук, доцент кафедри цивільного процесу
Національного університету «Одеська юридична академія»*

ЕЛЕКТРОННІ ДОКАЗИ В БЕЛЬГІІ ТА НІДЕРЛАНДАХ

«Інформаційне суспільство», як термін, вперше з'явився в Декларації 2003 року в Женеві, в якій й був проголошений такий важливий європейський стандарт-принцип. Як зазначається в Конвенції: «побудова